

РЕЦЕНЗИИ

А.Ю. Бердникова

Религия в пределах не только разума*

Александра Юрьевна Бердникова – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexser015@yandex.ru

Рецензия посвящена анализу двух частей монографии К.М. Антонова «“Как возможна религия?” Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX вв.», в которой представлен новый и оригинальный методологический подход, позволяющий взглянуть на историю русской философии конца XVIII – начала XX в. как на «светскую альтернативу» традиционному церковному и духовно-академическому богословию. Благодаря применению такого подхода возникает возможность соотнести представления русских мыслителей той эпохи и проблемы, характерные для современного религиоведения, философии религии и философской теологии. Труд Антонова в этом плане с полным правом можно назвать «продолжением» классических работ по истории русской религиозной философии В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и Г.В. Флоровского.

Ключевые слова: русская философия, философия религии, светское богословие, философская теология, секулярная культура, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк

Ссылка для цитирования: *Бердникова А.Ю.* Религия в пределах не только разума // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2020. Т. 4. № 2. С. 156–167.

Рецензируемая работа К.М. Антонова, заведующего кафедрой философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, с самого начала открывается читателю как фундаментальный труд по истории русской мысли. Если окинуть беглым взглядом представленные в двух частях этой книги разделы, то можно убедиться в том, что здесь читателю

---

* Рец. на кн.: *Антонов К.М.* «Как возможна религия?» Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX вв. В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. Ч. 1. 608 с.; Ч. 2. 368 с.

явлена квинтэссенция многолетнего научного труда автора и что данная книга напрямую тематически соотносится и даже является в какой-то степени «продолжением» его более раннего труда «Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века».

С одной стороны, рецензируемый труд удачно вписывается в контекст современных исследований, в той или иной степени посвященных истории русской мысли, говоря о которых, на ум в первую очередь приходят работы М.А. Маслина, А.Ф. Замалеева, И.И. Евлампиева, Н.В. Мотрошиловой, П.П. Гайденко, Л.Н. Столовича и др. Рецензируемую книгу во многом по духу также можно отнести и к более ранним, ставшим уже «классическими», опытам всестороннего построения истории русской мысли, которые мы можем обнаружить в трудах В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Б.В. Яковенко, С.А. Левицкого и др. Но в то же время нельзя не признать, что работа К.М. Антонова посвящена не общему исследованию истории русской философии во всем ее «единстве и многообразии», но, скорее, решению ряда более частных (по форме, но не по содержанию) задач. Одной из таких задач становится проблема демаркации и спецификации собственно русской философии как отдельной, самостоятельной *научной* сферы, а также проблема ее соотношения с «пограничными» и близкими к ней сферами и «рефлексивными практиками»: духовно-академической мыслью, церковным богословием, западной философской традицией и т.д. [Антонов, 2019, ч. 1, с. 12]. С другой стороны, рецензируемый труд также можно отнести и к достаточно актуальным на данный момент исследованиям русской философии в контексте «светского богословия», «богословия мирян» и русской «философии религии»¹. И здесь данная работа оказывается «на границе» историко-философских и религиоведческих исследований. Косвенным свидетельством «вступления» автора на «территорию» современной философии религии является и его многолетняя полемика с В.К. Шохиним, берущая начало еще с выхода первой монографии Антонова на эту тему в 2008 г.; к разъяснению многочисленных критических аспектов данной полемики автор неоднократно обращается и во Введении к рецензируемой книге.

Суть данного спора заключается в различных дефинициях самого понятия «философия религии», отстаиваемого Антоновым применительно к русской интеллектуальной культуре XIX – начала XX в. Основное замечание Шохина в отношении предыдущих работ Антонова, посвященных философии религии в русской религиозной метафизике, заключалось в чересчур широком смысле, вкладываемом автором рецензируемого труда в данное понятие, в рамках которого «смешиваются» воедино понятия «философская теология», «философия религии», «религиоведение» и «религиозная философия» [Шохин, 2010, с. 30–31]. Позиция же самого Шохина заключается в стремлении ограничить предметную сферу философии религии философским исследованием многомерной реальности религиозного, «рационально отделив» от нее «задачи по изменению мира», «философские фантазии», «соблазнительные претензии

¹ П. Ходзинский для обозначения этого течения использует также еще термин из немецкой историографии «Laientheologie» («лаическое богословие») [Хондзинский, 2016, с. 7].

на “сидение на двух стульях” теологии и религиоведения одновременно», а также «любые формы теологии» вообще, равным образом как и «пародийно имитирующую ее а-теологию», и т.д. [Шохин, 2010, с. 225]. В рамках таким образом «суженного» предметного поля философии религии, согласно Шохину, остается «исследование языка и феномена религии, а также раскрытие экзистенциальных, этических и эстетических измерений субъекта религии» и т.д. [Там же]. Тем самым (что подмечается и Антоновым) Шохин предстает как «сторонник последовательного разграничения “философии в религии” и “философии о религии”, а также “философии религии” и “философской теологии”» [Шохин, 2010, с. 218; Антонов, 2019, ч. 1, с. 14; ср.: Шохин, 2007, с. 55–56; 2010, с. 204]. При этом, по верному замечанию Шохина, расширительная концепция предметности философии религии как таковой, не позволяющая отделить ее от религиозной философии, оказывается не совсем пригодным инструментом для изучения отечественной философии религии (как и любой другой). В свою очередь, Антонов, оправдывая свою позицию, концептуализирует собственные взгляды в виде таблицы, элементы которой находятся, с одной стороны, на пересечении оппозиций «общее-единичное», а с другой – «сущее-должное»: философия религии (общее-должное); религиоведение (общее-сущее); теология (должное-единичное); более частные дисциплины (буддология, исламоведение и т.д. – единичное-сущее) [Шохин, 2010, с. 23]. При этом следует признать, что изначальная критика позиции Антонова Шохиним имеет свою обоснованность, ибо даже несмотря на подробные объяснения, которые дает Антонов в рецензируемой книге понятиям «философия религии», «философская теология» и т.д., его собственные рассуждения в Предисловии, а затем во Введении о специфике русской религиозной мысли снова не лишены некоей непоследовательности. Так, в самом начале книги в Предисловии он пишет: «...меня будут интересовать прежде всего богословские идеи тех авторов, которые сами идентифицировали себя как философов, но не все, а только те, где эти мыслители оставались в философских рамках, не переходя ту грань, за которой начинается богословие как сознательное учительное построение церковной доктрины» [Там же, с. 8]; затем, почти сразу после этой установки, во Введении формулируя свои задачи уже несколько иным образом: «Мы рассмотрим становление этого комплекса рефлексивных практик в русской мысли XIX – первой половины XX в., причем так, что именно философия религии в ее тесной связи с философской теологией в той мере, в какой они развивались в рамках светской религиозной мысли, будет находиться в фокусе настоящего исследования» [Там же, с. 12]. В чем же здесь заключается принципиальная разница между «богословием мирян», «русской философией религии» и «светской религиозной мыслью» для читателя остается не до конца проясненным моментом. Можно лишь предположить, что, понимая «философию религии» вслед за Ю.А. Кимелевым в «расширительном» смысле [См.: Кимелев, 1998, с. 7–10], автор рецензируемого труда стремится в конечном итоге к синтезу этих понятий и «снятию контрверзы» между «богословием философов-мирян» и «духовно-академическим богословием» [Там же, с. 9]².

² Примерно в таком ключе автор формулирует этот вывод и сам: «Восстановление отечественной богословской традиции возможно только через интеллектуально честный синтез

Становление этой позиции мы можем также пронаблюдать и в более ранних работах автора рецензируемого труда. Так, обосновывая свои взгляды, Антонов противопоставляет «философию религии» в русской мысли устоявшемуся определению «русская религиозная философия», являющемуся, по его мнению, не более чем «расхожим штампом» [Антонов, 2015b, с. 207]. С другой стороны, рассуждая непосредственно о русской мысли, Антонов дает собственное толкование этой позиции, рассматривая «философскую теологию» и «философское религиоведение» в качестве равноправных частей «философии религии», которая, в свою очередь, являет собой органическую часть «общей логики развития культуры и мысли» [Антонов, 2019b, ч. 1, с. 15].

О том, что рецензируемый труд находится «на границе» историко-философских и религиоведческих исследований, напрямую говорит и его название. «Как возможна религия?» – вопрос, вынесенный в заглавие книги К.М. Антонова, отсылает нас сразу к кантианскому вопрошанию о возможности «метафизики как науки» и разделу из труда С.Н. Булгакова «Свет Невечерний» (1917). Одну из форм такой «кантианской рефлексии», трансформацию которой мы можем наблюдать и у Булгакова, можно найти в размышлениях Антонова о философской теологии и ее генезисе, когда «первый уровень рефлексивных структур религиозной традиции» рассматривается им как «совокупность» «художественной, этико-правовой и теологической деятельности», что и порождает, в свою очередь, «вопрос о сущности религии»³ [Там же, с. 30].

Основную часть рецензируемого исследования можно в целом представить в виде апологии научности и самобытности русской философии. Хронологически данный раздел охватывает период истории русской мысли с 1820/30-х до 1950/60-х гг. В этом плане можно сказать, что автор полностью следует «классической» традиции изучения русской мысли, заложенной в трудах В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского. При этом автор выступает здесь как против распространенного мнения о том, что русская философия в строгом смысле слова «начинается» только в первой половине XIX в. (концепция «невегласия» Г.Г. Шпета и его сторонников), так и против чрезмерного «заступничества» за русскую мысль, стремления подчеркнуть ее изначальную «уникальность» и «инаковость» по сравнению с другими мировыми философскими системами. Таким образом, «отечественная философия религии» рассматривается в рецензируемой книге как безусловная «наследница» «европейской философско-религиозной мысли» [Там же, с. 49]; она, по мнению автора, органически «встроена» в ряд аналогичных ей религиозно-философских систем.

различных “горизонтов” богословской мысли прошлого, их осознанное соотнесение с достижениями инославных богословских традиций и актуальной философской и общественной мыслью современности, сохранение единства интеллектуального пространства отечественного богословия, поддержание постоянного взаимодействия авторов и читателей» [Антонов, 2019b, ч. 1, с. 11].

³ См. у Булгакова: «С таким же правом, как относительно науки, этики и эстетики, может быть поставлена и трансцендентальная проблема религии. Раскрыть трансцендентальную природу религии, выявив категории религиозного сознания, установив здесь “синтетические суждения a priori” (как выразился бы Кант), и должен анализ религиозного сознания. К этому и сводится вопрос: как возможна религия?» [Булгаков, 1917, с. 27].

Своеобразным «предисловием» к основной части рецензируемого труда становится краткий исторический обзор «истории философской рефлексии относительно религии в европейской философии» [Антонов, 2019b, ч. 1, с. 49], начиная с Античности и заканчивая многообразными философскими направлениями европейской мысли рубежа XIX–XX вв. Стоит при этом отметить, что весь этот материал автор анализирует в первую очередь с опорой на влияние, оказанное европейской традицией на русскую религиозно-философскую мысль (к примеру, в Античности особым образом выделяя *платонизм*, а говоря о Канте, делая упор на *критическом* восприятии его идей русскими религиозными философами, и т.д.). Говоря же о *теоретическом контексте* возникновения русской философии, Антонов выделяет здесь несколько основополагающих и системообразующих сюжетов. Во-первых, это концепция «западного пленения православного богословия», впервые появляющаяся в творчестве Ю.Ф. Самарина и достигающая «наивысшей точки» развития в рамках учения «неопатристического синтеза» Г.В. Флоровского⁴. Данная идея, согласно рассуждениям Антонова, оказывается тесным образом связана со вторым фактором появления феномена «светского богословия» в России, в качестве которого здесь выступает влияние на русскую мысль культуры западного *романтизма*, а также «философских техник» немецкой классической философии. И, наконец, в качестве третьего основного фактора в книге представляется зарождение в России *секулярной* культуры. Итогом вышеозначенных изменений и реформ, по мнению автора рецензируемого труда, становится капитальное *расхождение* путей светской и духовной культур в России.

Одним из ярких примеров, на котором заостряет внимание здесь автор книги, становится имплицитная критика *схоластики* в русском «классическом», «церковном» богословии со стороны «светских» религиозных философов. Подробно об этом (с кратким разбором основных идей средневековых мыслителей-схоластов) автор рецензируемой книги рассуждает на сс. 51–55 первой ее части. Именно на почве критического переосмысления основных «схоластических» идей и возникает, согласно мнению Антонова, на рубеже Средневековья и Нового времени современное понимание феномена *религии*. В русской же мысли первые попытки критического пересмотра наследия схоластики в богословии автор находит у П.Я. Чаадаева и славянофилов. Наиболее известными примерами становятся тут пассажи И.В. Киреевского о том, что «удовлетворительного богословия у нас нет», и А.С. Хомякова о том, что «Макарий провонял схоластикой» [Там же, с. 65]. Такая критическая тенденция продолжалась и в русской «светской» философии рубежа XIX – начала XX в. Так, П.А. Флоренский противопоставлял «отвлеченному догматизму» схоластики «методологическое требование “вчувствования” как необходимой для реконструкции системы религиозных значений апелляции к опыту исследователя» [Там же, ч. 2, с. 220]. Эти же интенции встречаются и в творчестве Н.А. Бердяева, для которого, по мнению Антонова, основным «источником»

---

⁴ Об осмыслении у Самарина противостояния «филокатоликов» и «филопротестантов» на примере «идейной борьбы» Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, а также о влиянии идей Самарина на концепцию «западного пленения православного богословия» см.: [Хондзинский, 2017; Антонов, 2015с].

критики схоластики и догматизма становятся идеи американского мыслителя У. Джеймса [Антонов, 2019b, ч. 2, с. 246]. Органическим результатом такой критики «схоластики» в русском богословии становится призыв к возвращению «назад, к Отцам», прозвучавший в рамках концепции «неопатристического синтеза» Г.В. Флоровского, В.Н. Лосского, архим. Киприана (Керна) и других, чьи идеи, «апеллируя к досхоластическим теологическим концепциям, вместе с тем вписываются в историю поисков новых, релевантных культуре модерна и постмодерна, способов говорить и мыслить о Боге и Его отношении к человеку» [Там же, с. 289].

Стоит упомянуть здесь также, что одним из ключевых сюжетов основной части труда Антонова, на котором в каждой главе ставится акцент, становится проблема *религиозного обращения* русских философов⁵. Этот сюжет показателен тем, что если взглянуть на личный, теоретический путь практически каждого русского философа, то начало его почти всегда было озаменовано «разочарованием» в религии и Церкви. Многие из них, пережив в юности такое «разочарование» в религии, поступали на естественно-научные специальности в университет и лишь затем по тем или иным причинам переходили к занятиям философией и осмыслению религиозных вопросов. К таковым можно отнести В.С. Соловьева, начинавшего свой путь в науке на физико-математическом факультете Московского университета; в начале XX в. путь «от марксизма к идеализму и Церкви» прошла целая плеяда ярких представителей русской мысли: С.Л. Франк, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др. Именно потому, полагает здесь Антонов, что все эти мыслители не получали в свое время желаемые ответы на свои смысложизненные и духовные вопросы от официального богословия и церковной идеологии, они были вынуждены практически «с нуля» выстраивать эти смыслы и концепции сами, формируя тем самым интеллектуальное поле феномена, который будет впоследствии исследователями обозначен как «русская религиозная философия». Но при этом важным моментом, который подчеркивается Антоновым, является изначальная *включенность* русских философов в теологический православный дискурс и церковную традицию.

Непосредственно сама основная часть рецензируемого труда состоит из пяти глав (первые три входят в первую часть книги, четвертая и пятая, соответственно, – во вторую). Первая посвящена основным предшественникам русской религиозно-философской мысли и первым ее представителям (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков). «Антитеологизм» представлен здесь фигурой М.А. Бакунина, а «мост» к духовно-академической мысли «перекинут» в виде анализа идей П.Д. Юркевича. Отдельный раздел посвящен Ю.Ф. Самарину, выступающему здесь, по сути, первым русским аналитиком религии и религиозных процессов в обществе. Во второй главе автор разбирает философско-религиозные концепции русских мыслителей-идеалистов, к которым относит В.С. Соловьева, русский «спиритуализм» (Л.М. Лопатин, П.Е. Астафьев, А.А. Козлов), гегельянство (Б.Н. Чичерин, П.А. Бакунин), неокантианство (Ал-р И. Введенский), а также учение братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких.

⁵ Более подробно о трактовке Антоновым феномена религиозного обращения см.: [Антонов, 2015a].

Можно отметить здесь оригинальный подход, представленный в рассуждениях Антонова о русском «спиритуализме», иначе именуемом в трудах других исследователей «русским неoleyбницианством» и «метафизическим персонализмом». Антонов поддерживает здесь распространенную в исследовательской среде точку зрения о неправомерности обозначения данного направления термином «неoleyбницианство», поскольку все его представители в той или иной степени отрицали и переосмысливали «системообразующий» момент в философии Лейбница – принцип предустановленной гармонии. При этом, по логике рассуждений Антонова, альтернативный «неoleyбницианству» термин «персонализм» также нерелевантен для обозначения данного движения, поскольку имеет чересчур широкие коннотации (и это справедливо, поскольку просто к «персонализму» в целом относились не только «лейбницианцы», но и, например, «экзистенциальные персоналисты» Л. Шестов и Н.А. Бердяев, и т.д.). Но, на наш взгляд, термин «спиритуализм», который употребляет здесь Антонов, хотя и свидетельствует о безусловно оригинальном подходе автора, все же не является до конца подходящим для обозначения данного направления. Здесь мы можем наблюдать противоположную ситуацию, чем в предыдущем случае, с термином «персонализм»: если последний, по мнению Антонова, имеет слишком «широкое» значение, то «спиритуализм», напротив, слишком «узок». Можно предположить, что именно этот термин берется Антоновым здесь как наиболее подходящий, поскольку первой персоналией, чьи взгляды он разбирает в разделе, посвященном данному направлению, становится крупнейший русский философ-спиритуалист (и чуть ли не единственный, кого можно справедливо называть «спиритуалистом» в полном смысле этого слова) Л.М. Лопатин. И если в той или иной степени данный термин подходит для исследования взглядов также представленных в данном разделе П.Е. Астафьева и А.А. Козлова, то, например, к идеям одного из самых ярких и известных представителей данного направления – Н.О. Лосского (учение которого в данной книге, к сожалению, упомянуто лишь «вскользь»), – данный термин уже неприменим, поскольку в своей системе взглядов он признавал существование не только духовной, но также и материальной субстанции. В целом, нам представляется, что, следуя логике построения всей главы, в которой Антоновым анализируется русское неокантианство и неогегельянство, в данном ряду все-таки более логично смотрелся бы термин «неoleyбницианство», поскольку, в отличие от «спиритуализма», основополагающие принципы которого разделялись далеко не всеми представителями данного специфического направления, все они в той или иной степени отталкивались от идей «Монадологии» Лейбница. При этом приставка «нео-» здесь, так же как и в случае с гегельянством и кантианством, во многом свидетельствует не только об «эпигонстве», но также оправдывает критическое переосмысление изначальной доктрины немецкого философа [См.: Бердникова, 2016; 2017].

Третья глава, посвященная анализу философии религии в русской мысли начала XX в., разделяется автором на две части. В первой он производит краткий разбор учений наиболее ярких представителей этого направления (С.Л. Франк, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов). Вторая же часть

посвящается им уже не историко-философскому анализу учений русских мыслителей, а выявлению основных проблем в развитии русской философии религии рубежа XIX–XX вв.

В четвертой главе (с которой начинается вторая часть книги) автор обращается к анализу двух магистральных концепций «философии религии» эмигрантской русской культуры, представленных в учении Н.А. Бердяева и С.Л. Франка⁶. Интересно также, что завершает данную главу обзор учения А.А. Мейера, до недавнего времени достаточно малоизученного представителя русской философии XX в. Антоновым впервые анализируются ранее неопубликованные работы Мейера, написанные им во время нахождения в ссылке и сталинских лагерях («Заметки о смыслах мистерии», 1932–1933; «Ревеляция», 1931–1935; «Gloria. О Славе», 1932–1936, и т.д.), в которых тот занимался изучением таких понятий, как «символ», «миф», «жертва», «откровение», «община» и т.д. Этот анализ позволяет выявить новые параллели между идеями «широко известных» и до настоящего момента остававшихся «на периферии» русских религиозных мыслителей, а также концептуализировать многие их идеи в свете актуальных и для современного религиоведения вопросов и проблем.

В пятой, завершающей труд главе затронуты наиболее дискуссионные вопросы, связанные с развитием русской «философии религии» (соотношение русской религиозной мысли с «феноменологией религии»; осмысление концепта «святое» в русской мысли; рецепция в России учения У. Джеймса и западного психоанализа; место религиозной проблематики в сборнике «Вехи» и т.д.), что можно расценивать как своеобразное «приглашение к дискуссии» и дальнейшему продолжению данного исследования.

Особо интересным в этом плане представляется закрывающий эту главу (равно как и книгу в целом) подраздел, посвященный анализу взаимоотношения русской мысли и процессов «секуляризации», «десекуляризации» и «постсекуляризации». Интересно здесь следить за ходом мысли автора, анализирующего основные тренды современной постсекулярной эпохи и находящего почти для каждого из них аналог в учении русских философов рубежа XIX–XX вв. Так, теории «негативной теологии» Дж. Капуто, «настаивающего на необходимости снятия основных дихотомий нововременного мышления и выхода разума в “пространство принципиальной открытости”» [Антонов, 2019b, ч. 2, с. 325] находится соответственный аналог в «антиномистическом монодуализме» С.Л. Франка. Начало «десекуляризационных» настроений Антонов находит в критике западной культуры у П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского. «Развитие» этих идей анализируется Антоновым в контексте «метанарратива постсекулярного» у В.С. Соловьева. Дальнейшее продолжение этого «метанарратива» обнаруживается автором в концепции «цветущей сложности» К.Н. Леонтьева, а также в идеях С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, «неославянофилов» (В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, Вяч. Иванов) и др.

Эту мысль об актуальности «метанарратива постсекулярного» в творчестве русских философов рубежа XIX–XX вв. для современного осмысления

⁶ Подробнее об этом см.: [Антонов, 2019a].

многих религиозных феноменов можно, на наш взгляд, продолжить и развить, обратившись, к примеру, к темам, затрагиваемым С.А. Коначевой в ее свежем исследовании «Бог после Бога. Пути постметафизического мышления» (2019). Здесь мы находим много примеров, напрямую соотносящихся с идеями русских религиозных мыслителей. Так, рассуждая об идее «инаковости» Бога в «теологической эстетике» Дж.П. Мануссакиса и «диакритической герменевтике» Р. Керни, Коначева упоминает о влиянии на эти концепции учения об «обратной перспективе» П.А. Флоренского [См.: Коначева, 2019, с. 169]. Также можно найти аналог идее религиозного опыта как опыта Невозможного в творчестве, например, Л. Шестова, а переосмысление атрибута Божественного всемогущества у С.Л. Франка и Н.А. Бердяева.

В целом многие основные импульсы рецензируемого труда были «заложены» еще в работе автора «Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века» (2009). Но при этом данная книга является их несомненным развитием и «продолжением» как в методологическом, так и в содержательном плане. С другой стороны, некоторые основополагающие вопросы, бывшие актуальными на момент выхода первой книги Антонова на данную тематику, к сожалению, не получили своего достаточного раскрытия и в данном труде. К таковым относится вопрос о соотношении «светского», «мирского» богословия и его «духовно-академического» аналога. И хотя автор делает оговорку, что представить такой анализ в задачи данной книги не входило, все же, скорее всего, для «полноты» создаваемой им «картины» истории русской мысли такой анализ был бы необходим. Интересным примером попытки анализа взаимного влияния «светского» и «церковного» русского богословия является работа Н.К. Гаврюшина «Русское богословие. Очерки и портреты» (2011); хотя и эту работу, к сожалению, нельзя назвать полностью свободной от пристрастной позиции самого автора, анализирующего проблему «верующего разума» в русской философии явно в пользу «классического» богословия: утверждая, что «мудрость для Руси всегда была выше разума, и Иерусалим – что бы там ни фантазировал Серебряный век – бесконечно дороже Афин» [Гаврюшин, 2011, с. 5].

Тем не менее данный труд, несомненно, представляет собой полностью оригинальный и самобытный опыт построения фундаментального и строго выверенного научного исследования, который будет интересен как профессионалам, так и всем интересующимся историей русской философии и ее соотношением с вопросами и проблемами современного религиоведения и теологии.

Список литературы

Антонов, 2019а – Антонов К.М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н.А. Бердяева // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 57–78.

Антонов, 2019б. Ч. 1 – Антонов К.М. «Как возможна религия?» Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX вв. В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. Ч. 1. 608 с.

Антонов, 2019b. Ч. 2 – Антонов К.М. «Как возможна религия?» Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX вв. В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. Ч. 2. 368 с.

Антонов, 2015a – Антонов К.М. От обыденного к священному: религиозное обращение и пути рационализации религии (феноменологические и психологические аспекты) // Психология религии: между теорией и эмпирикой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 75–86.

Антонов, 2015b – Антонов К.М. Философия религии и религиозная философия в русской мысли // OMNIA CONJUNGO. Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 206–220.

Антонов, 2015c – Антонов К.М. «Я, благодарение Богу, не богослов...»: становление русской религиозной философии и истоки концепции западного пленения православного богословия // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 68–92.

Антонов, 2009 – Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 259 с.

Бердникова, 2016 – Бердникова А.Ю. Неолейбницианство в России. Историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 167 с.

Бердникова, 2017 – Бердникова А.Ю. Философия религии русского неолейбницианства: Тейхмюллер, Козлов, Астафьев // Страницы. 2017. Т. 21. Вып. 1. С. 37–48.

Булгаков, 1917 – Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917. VI + 426 с.

Гаврюшин, 2011 – Гаврюшин Н.К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2011. 672 с.

Кимелев, 1998 – Кимелев Ю.А. Философия религии: Систематический очерк. М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998. 424 с.

Коначева, 2019 – Коначева С.А. Бог после Бога: пути постметафизического мышления. М.: Изд-во РГГУ, 2019. 242 с.

Хондзинский, 2017 – Хондзинский П., прот. «Ныне мы все болееем теологией». Из истории русского богословия предсинаодальной эпохи. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 480 с.

Хондзинский, 2016 – Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское вне-академическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 480 с.

Шохин, 2007– Шохин В.К. Исторический генезис философии религии: проблема и ее наиболее вероятное решение // Философия религии: Альманах 2006–2007. М.: Наука, 2007. С. 15–88.

Шохин, 2010 – Шохин В.К. Введение в философию религии. М.: Альфа-М, 2010. 288 с.

Religion not only within the Bounds of Bare Reason

Aleksandra Yu. Berdnikova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: alexser015@yandex.ru

The review is devoted to the analysis of the monograph by K.M. Antonov, which represents a fundamentally new and original methodological approach that allows you to look at the history of Russian philosophy of the late XVIII – early XX centuries as a “secular alternative” to the traditional theology. Because of this new methodology it becomes possible to correlate the ideas of Russian thinkers of that era with the problems of modern religious studies, philosophy of religion and philosophical theology. The work of Antonov in this regard can rightfully be called the “continuation” of classical works on the history of Russian religious philosophy by V.V. Zenkovsky, N.O. Lossky and G.V. Florovsky.

Keywords: Russian philosophy, philosophy of religion, secular theology, philosophical theology, secular culture, V.S. Solovyov, S.N. Bulgakov, S.L. Frank

Citation: Berdnikova A.Yu. “Religion not only within the Bounds of Bare Reason”, *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2020, Vol. 4, No. 2, pp. 156–167.

References

Antonov K.M. “Ya, blagodarenie Bogu, ne bogoslov...’: stanovlenie russkoi religioznoi filosofii i istoki kontseptsii zapadnogo plneniya pravoslavnogo bogosloviya” [“Thanks God, I am not a theologian...’: the formation of Russian religious philosophy and the origins of the “Western captivity” of Orthodox theology], in: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2015, No. 3, pp. 68–92. (In Russian)

Antonov K.M. “Filosofiya religii i religioznaya filosofiya v russkoi” [The philosophy of religion and religious philosophy in Russian thought], in: *OMNIA CONJUNGO. Sbornik nauchnykh rabot v chest’ 65-letiya prof. V.V. Serbinenko* [OMNIA CONJUNGO. Collection of scientific papers in honor of the 65th anniversary of prof. V.V. Serbinenko]. Moscow: Publishing house of the Russian State Humanitarian University, 2015, pp. 206–220. (In Russian)

Antonov K.M. “Kak vozmozhna religiya?” *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX–XX centuries* [“How is religion possible?” The philosophy of religion and the philosophical problems of theology in Russian religious thought of the XIX–XX centuries], in 2 vols. Moscow: PSTGU Publishing House, 2019, Vol. 1. 608 p. + 368 p. (In Russian)

Antonov K.M. “Ot obydenного k svyashchennomu: religioznoe obrashchenie i puti ratsionalizatsii religii (fenomenologicheskie i psikhologicheskie aspekty)” [From the ordinary to the sacred: religious conversion and ways to rationalize religion (phenomenological and psychological aspects)], in: *Psikhologiya religii: mezhdru teoriei i empirikoi* [Psychology of Religion: Between Theory and Empiricism]. Moscow: PSTGU Publishing House. 2015, pp. 75–86. (In Russian)

Antonov K.M. “The idea of “critique of revelation” in the philosophy of religion and philosophical theology in the late works of N. Berdyaev” [Ideya «kritiki otkroveniya» v filosofii religii I filosofskoi teologii v pozdnem tvorchestve N.A. Berdyaeva], in: *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya*. [Philosophy of Religion: Analytic Researches] 2019, Vol. 3, No. 1, pp. 57–78. (In Russian)

Antonov K.M. *Filosofiya religii v russkoi metafizike XIX – nachala XX veka* [The philosophy of religion in Russian metaphysics of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: PSTGU Publishing house, 2009. 259 p. (In Russian)

Berdnikova A.Yu. “Filosofiya religii russkogo neoleibnitsianstva: Teikhmyuller, Kozlov, Astaf’ev” [Philosophy of religion in Russian Neo-leibnizianism: Teichmüller, Kozlov, Astafiev], in: *Stranitsy* [Pages]. 2017, Vol. 21, No. 1, pp. 37–48. (In Russian)

Berdnikova A.Yu. *Neoleibnitseanstvo v Rossii. Istoriko-filosofskii analiz* [Neo-leibnizianism in Russia. Historical and philosophical analysis], PhD Thesis. Moscow, 2016. 167 p. (In Russian)

Bulgakov S.N. *Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya* [The Non-Evening Light: Contemplation and speculation]. Moscow: Put’, 1917. VI + 426 p. (In Russian)

Gavryushin N.K. *Russkoe bogoslovie. Ocherki i portrety* [Russian theology. Essays and portraits]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary, 2011. 672 p. (In Russian)

Khondzinsky P., archpriest. “Nyne my vse boleem teologii”. *Iz istorii russkogo bogosloviya predsinodal’noi epokhi* [“Now we are all sick with theology”. From the history of Russian pre-synodal era theology]. Moscow: PSTGU Publishing house, 2017. 480 p. (In Russian)

Khondzinsky P., archpriest. “*Tserkov’ ne est’ akademiya*”: *Russkoe vneakademicheskoe bogoslovie XIX veka* [“The Church is not an Academy”: Russian extra-academic theology of the 19th century]. Moscow: PSTGU Publishing house, 2016. 480 p. (In Russian)

Kimelev Yu. A. *Filosofiya religii: Sistemicheskii ocherk* [Philosophy of Religion: A Systematic Essay]. Moscow: Publishing house “Nota Bene”, 1998. 424 p. (In Russian)

Konacheva S.A. *Bog posle Boga: puti postmetafizicheskogo myshleniya* [God after God: the paths of post-metaphysical thinking]. Moscow: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, 2019. 242 p. (In Russian)

Shokhin V.K. “Istoricheskii genesis filosofii religii: problema i ee naibolee veroyatnoe reshenie” [The historical genesis of the philosophy of religion: the problem and its most likely solution], in: *Filosofiya religii: Al’manakh 2006–2007* [Philosophy of Religion: Almanac 2006–2007]. Moscow: Nauka, 2007. pp. 15–88. (In Russian)

Shokhin V.K. *Vvedenie v filosofiyu religii* [Introduction to the philosophy of religion]. Moscow: Alfa-M, 2010. 288 p. (In Russian)